

]

Чжоу Чун резко затормозил.

Как известно, некоторые вещи легко сделать на порыве, но очень трудно решиться повторить их сознательно.

Шань Циншань:

— Я не учил это английское слово, но по звучанию, кажется, g-a-y? Что оно значит?

Чжоу Чун в этот момент остро почувствовал, что сам себе роет яму.

— Это значит «девственник».

Шань Циншань достал из кармана маленький блокнотик, собираясь записать.

У Чжоу Чуна похолодело внутри, он поспешно прикрыл блокнот рукой.

— Это... может, не будем записывать?

«Девственник? Ты вообще слышишь, что несешь?»

«У тебя хватило смелости сказать это, а теперь слабо руку убрать?»

«Министерство образования должно срочно включить это слово в программу экзаменов».

«Не трусь, дай ему записать! Дай записать! Жду не дождусь того дня, когда Сокровище узнает истинное значение!»

«Я тоже хочу это видеть. Добрые люди, просветите парня!»

«Какой прилежный мальчик, носит с собой словарь! Наверное, отличник. Но это слово тебе точно не стоит учить, ха-ха-ха!»

...

Чжоу Чун и Шань Циншань подошли к дому.

У косяка двери стояла седая старушка, опираясь на раму.

— Сокровище, ты что, в телевизор попал?

Шань Циншань быстро шагнул к ней и поддержал под руку:

— Бабушка, зачем ты встала с кровати?

— А что за парень там сзади?

Чжоу Чун подошел ближе:

— Здравствуйте, бабушка. Меня прислали со съемок пожить у вас. Меня зовут Чжоу Чун.

— Жить у нас? Тебе же неудобно будет, милоч.

— Совсем нет, мне здесь очень нравится. Не нужно стелить мне отдельно, я как-нибудь потеснюсь вместе с Сокровищем Циншанем.

Бабушка чутко уловила ласковое обращение «Сокровище Циншань».

Она улыбнулась:

— Хорошо, когда есть друзья. А то я только в тягость ему, совсем он тут без друзей остался.

— Не говори глупостей, бабушка. Пойдем, я помогу тебе лечь.

Старушка, мелко и неуверенно шагая, направилась в дом:

— Холодно-то как на улице, вы побольше одежды на одеяла накидывайте.

— Хорошо, я понял.

Шань Циншань уложил бабушку и только потом пригласил Чжоу Чуна войти.

Дом был старым, но всё в нем было аккуратно и чисто. В комнате бабушки в вазе стояли какие-то безымянные цветы — они цвели посреди этой бедной хижины, словно ростки, пробившиеся сквозь камни, полные жизненной силы.

Бабушка выглядела бледной, ей явно было трудно двигаться. Всё хозяйство держалось на плечах Циншаня.

Чжоу Чун догадался: и в прошлой жизни, и сейчас Циншань соглашался на контракты и съемки только ради здоровья бабушки. Раньше Чжоу Чун её не видел.

Видимо, к моменту их встречи в той жизни её уже не было в живых.

Чжоу Чун посмотрел на Шань Циншаня.

Тот, склонившись над бабушкой, что-то вполголоса говорил ей, и его лицо светилось нежностью. Такой хрупкий парень — и тянет на себе целый дом.

Чжоу Чуну нестерпимо захотелось прямо сейчас забрать их обоих, посадить в машину и увезти в большой город, к лучшей жизни! Чтобы они больше не страдали здесь!

Но сейчас Циншань его почти не знает, он ни за что не согласится. Сказать такое с порога было бы слишком дерзко.

Нужно подождать.

Раз он здесь, он больше не позволит Сокровищу мучиться.

Зайдя в комнату Шань Циншаня, Чжоу Чун понял, что значили слова про одежду. На кровати лежали всего два одеяла, а сверху была накинута старая военная шинель.

У них не хватало теплых вещей.

Ком в горле мешал дышать, Чжоу Чуну снова захотелось плакать. Ему было так больно за него.

Шань Циншань ничего не заметил:

— Будешь спать со мной. Ты привез подушку? У меня лишней нет.

— Привез.

Боясь, что Циншань увидит его покрасневшие глаза, Чжоу Чун выскочил на улицу. Он стащил вещи с тележки, быстро вытер глаза рукавом и, присев у сумки, достал два теплых одеяла и три подушки.

— Я не потому, что мне тут не нравится... — «А потому, что хочу дать тебе лучшее».

Чжоу Чун соврал:

— Я просто аллергик.

Шань Циншань спросил:

— Простыни есть?

— Нет.

— Раз у тебя свои одеяла, будем спать отдельно.

Чжоу Чун выпалил:

— Нет!

Шань Циншань вопросительно на него посмотрел.

Чжоу Чун: «...»

В прошлой жизни Циншань так часто выставлял его в соседнюю комнату, что у него выработался рефлекс.

Чжоу Чун пояснил:

— Это пуховые одеяла. Если сверху накрыть ватным, будет очень тепло. Одно я отдам бабушке, а под вторым мы будем спать вместе.

Упоминание о бабушке было беспронимательным ходом. Циншань кивнул.

Бабушка, получив новое одеяло, долго благодарила Чжоу Чуна. У того на душе было спокойно.

Циншань спросил, что он хочет на ужин, и Чжоу Чун выбрал лапшу. Шань Циншань сварил её и добавил два яйца.

На сельской кухне с дровяной печью Чжоу Чун ничем не мог помочь, поэтому просто осыпал повара комплиментами. Стоило миске оказаться на столе, как у Чжоу Чуна защемило в глазах. Он поспешно уткнулся в еду.

Шань Циншань удивился:

— У тебя никто не отнимает.

— Я проголодался. — Голос Чжоу Чуна дрогнул. — Всё-таки у тебя она самая вкусная.

Шань Циншань не заметил дрожи в голосе, решив, что парень просто безумно голоден.

— Наелся?

— Да.

Шань Циншань:

— И больше не называй меня «Сокровище Циншань».

Бог знает, откуда он взял это прозвище.

— Почему?

— Мы не настолько близки.

Чжоу Чун поднял голову и улыбнулся:

— Ну, завтра-то уже можно будет?

Завтра мы станем ближе.

— Как хочешь.

После еды Чжоу Чун вызвался помыть посуду. Провозившись целую вечность, он наконец справился. Выйдя во двор, он увидел, что Шань Циншань режет овощи у старой печи. Рукава были закатаны, обнажая тонкие белые запястья на холодном ветру. На одном из них виднелась уже подсохшая ссадина. Чжоу Чун подошел ближе:

— Давай помогу.

— Не умеешь.

— Не умею — научусь. Для чего это?

— Свиней кормить.

— Свиней? К празднику? Я читал, что во многих местах есть обычай забивать свинью к Новому году.

Шань Циншань такой хрупкий, а тащит на себе все хозяйство и еще этих свиней.

Тяжело ему.

Шань Циншань на миг замер, ничего не ответил и протянул Чжоу Чуну нож. Вдвоем дело пошло куда быстрее. Закончив, Чжоу Чун схватил ведро с кормом.

Шань Циншань остановил его:

— Не поднимешь.

— Да я в зал каждый день хожу, что мне какое-то ведро...

Чжоу Чун потянул.

Ведро лишь слегка качнулось, словно из уважения. Чжоу Чун не поверил своим ощущениям. Попробовал еще раз. Поднять удалось, но он пронес его лишь пару шагов.

Шань Циншань отодвинул его и легко подхватил ношу.

Чжоу Чун стоял, чувствуя себя полным ничтожеством. Опять захотелось плакать. Он подавил эмоции, тихо выругав себя: «Бесполезный!»

Затем он быстро догнал Циншаня и помог с кормежкой. Обычно болтливый, теперь он молчал. Когда свиньи были накормлены, Шань Циншань подхватил пустое ведро.

Чжоу Чун хотел что-то сказать, но осекся и просто перехватил ведро.

— Полное мне не по зубам, но пустое-то я донесу. Или схожу дважды, если надо.

Шань Циншань посмотрел на него и спустя мгновение тихо обронил:

— Угу.

После этого Шань Циншань согрел воду, чтобы умыться и попарить ноги. Чжоу Чун крутился рядом, помогая. Когда всё было готово, Шань Циншань встал у кровати и спросил:

— Где хочешь спать: у стенки или с краю?

Тускло светила лампочка, на столе лежали учебники. Боль в сердце Чжоу Чуна отразилась в его повлажневших глазах.

— Тебе пришлось нелегко.

И мысленно добавил: «Жена».

...

...

...

Шань Циншань: «За всё то время, что я иду этим путём один, это первый раз, когда кто-то, кроме бабушки, сказал мне: „Тебе пришлось нелегко“».

<http://bllate.org/book/19795/1950904>